

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПУРИМ

11 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Одиннадцать вопросов из уроков рава Рафаэля Бенизри о
Пуриме: почему Амалек рождается из закрытой двери,
почему единственная книга, где не появляется имя Б-га,
завершает цикл праздников, и почему праздник,
оставляющий нас слугами императора, стоит выше праздника
нашего освобождения.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Пурима

- 01** **Амалек родился из закрытой двери**
-
- 02** **Амалек нападает лишь на того, кто остановился**
-
- 03** **Они ели кошерное на царском пиру**
-
- 04** **Царица, низложенная за отказ показаться**
-
- 05** **Свиток не носит имени Мордехая**
-
- 06** **Единственная книга, где не появляется имя Б-га**
-
- 07** **Аман записан в Торе**
-
- 08** **Шауль пожалел царя Агага**
-
- 09** **«Если ты промолчишь, спасение придёт из другого места»**
-
- 10** **Мы всё ещё слуги Ахашвероша**
-
- 11** **Двое с рынка, что смешили людей**
-

Амалек родился из закрытой двери

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем читать Мегилу, в Шабат Захор читают о памяти Амалека. Но Амалек — не чужак, упавший с неба: он внук Эсава, а его мать — женщина, которая стучалась в дверь праотцев и которую не впустили.

ВОПРОС

Тимна хотела войти в семью Авраама, и ей отказали. Неужели злейший враг Израиля рождается из нашего собственного отказа?

ОТВЕТ

Тимна хотела присоединиться, обращаясь к Саре, к Ривке, к Рахели и Лее. Отвергнутая, она вышла замуж за Элифаз, сына Эсава, — и от неё родился Амалек.

Она хотела присоединиться к Саре, затем к Ривке, затем к Рахели и Лее. Не найдя своего места и будучи отвергнутой, она сказала себе: раз меня не хотят, а я во что бы то ни стало хочу войти в эту семью, я пойду в обход и выйду замуж за одного из сыновей Эсава. Так родился Амалек. Знайте же: всякий раз, когда мы отстраняем, отталкиваем человека, выражающего желание вступить на путь иудаизма, мы рискуем породить через него заклятого антисемита.

Почему праотцы рассудили так? Потому что не хотели, чтобы этот червь проник внутрь плода: они предпочли оставить его снаружи, где с ним ещё можно бороться. Намерения не были искренними, и она могла исказить Торат авот, учение отцов.

Спрашивают: разве нельзя было избежать того, чтобы Амалек возник из отказа в гиюре? Ответ таков: пока семья не сложилась прочно, впустить в неё чужеродный элемент — значит поставить под угрозу само её существование.

ВЫВОД РАВА

Дверь, закрытая ради защиты, не перестает действовать и после того, как её закрыли.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Защищая своих, порой приходится сказать «нет», и это «нет» рождает обиды, которые длятся поколениями. Кого мы отстранили — от брака, от стола, от семейного решения? Был ли отказ справедливым — и справедливой ли была его форма?

Амалек нападает лишь на того, кто остановился

ВВЕДЕНИЕ

Амалек впервые появляется между исходом из Египта и откровением на Синае: ещё нет страны, ещё нет Торы. Он бьёт не раньше и не позже, а именно в пути — там, где спрашиваешь себя, в верном ли направлении идёшь.

ВОПРОС

Почему Амалек никогда не появляется, когда мы сильны, а всегда в тот миг, когда мы останавливаемся на полпути?

ОТВЕТ

«Амалек ашер карха ба-дерех»; и место битвы, Рефидим, — от рифьон йадаим, ослабления рук. Моше, которого поддерживают Хур и Йеошуа.

Амалек — это ослабление рук. Это когда человек распускается, опускает руки, сдаётся, отчаивается и живёт изгнанием из самого себя: уже не знаешь, куда идти, теряешь ориентиры, проблемы осаждают, а сил встретить их нет. Амалек здесь, чтобы воспользоваться нашими слабостями. Он нападает на народ, который ещё в становлении, — ведь еврей никогда не «есть»: он становится им каждый день чуть больше.

Моше понадобились Хур с одной стороны и Йеошуа с другой, чтобы удерживать руки поднятыми: Йеошуа, посвятивший себя завоеванию страны, и Хур, боровшийся до самопожертвования, чтобы народ не примкнул к золотому тельцу. Так удаётся ослабить Амалека, не одержав над ним победы.

Амалека порождает мы сами: в реальности его нет, если мы его не порожаем. Всякий раз, когда в истории наш путь начинал выказывать признаки усталости, появлялся Амалек. Бояться нужно не внешних врагов, а внутренних раздоров.

ВЫВОД РАВА

Его не побеждают: у него отнимают ту опору, которую ему дали.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

У каждого где-то есть путь, который он прервал, — проект, учёба, примирение, — сказав себе, что другие подхватят. Пусть каждый назовёт свой. И спросим: кто за этим столом мог бы поддержать его поднятые руки?

Они ели кошерное на царском пиру

ВВЕДЕНИЕ

Наши мудрецы спрашивают, почему евреи империи были приговорены к истреблению. Ответ: потому что участвовали в пиру Ахашвероша. Однако этот пир был устроен так, что каждый ел ровно то, что позволял ему его закон.

ВОПРОС

Если там можно было есть кошерное, в чём же грех — и что глотали на этом пиру такого, чего не было в блюдах?

ОТВЕТ

«Ве-а-штия ка-дат зйн онес» — каждый пил и ел по своему закону, без принуждения.

Ахашверош даже проявил большую хитрость: он позволил каждому есть то, что ему подходило, без принуждения — ни в еде, ни в подаваемых винах. Евреи отныне считали себя полноправными гражданами империи, и участие в общенациональных празднествах было для них способом показать, что они не замыкаются в себе. Что в этом плохого? Они просто поддались общей атмосфере и захотели её разделить.

Есть кошерное само по себе ничего не значит. Можно есть кошерное, не произнося благословения до и после, не признавая, не освящая того, что ешь: это скользкая почва. Когда я стремлюсь есть кошерное, я ищущу духовной гигиены своей пищи, я провожу различие между деревом жизни и деревом познания добра и зла.

Грех именно в этом: в желании ассимилироваться в мире, где добро и зло смешаны, где добро может рядиться во зло, а зло — в добро. Это первый грех Адама, грех древа. И именно на дереве Аман в конце концов будет повешен. Кстати, на этом пиру подавали и храмовую утварь — чтобы показать, что в ней нет никакой святости.

ВЫВОД РАВА

Решает не то, что входит в уста, а то, в чём мы соглашаемся участвовать.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Можно соблюдать всё до буквы и уже уступить в главном. Есть ли места, куда мы ходим, столы, за которые садимся, говоря себе, что формально там ничего не запрещено? Что одобряет там наше присутствие — хотя мы не сказали ни слова?

Царица, низложенная за отказ показаться

ВВЕДЕНИЕ

Царь приказывает Вашти явиться перед собравшимися министрами, чтобы они увидели её красоту. Она отказывается. Её тут же низлагают — её, племянницу Навуходоносора, единственную, кто придавал законность трону её мужа.

ВОПРОС

Повествование открывается женщиной, наказанной за то, что не захотела, чтобы на неё смотрели. Что говорит нам эта первая глава, где еврейский народ ещё ни разу не появляется?

ОТВЕТ

В первом стихе Ахашверош не носит титула царя; Вашти же названа Вашти а-малка.

Всё указывает на то, что Ахашверош не принадлежал к династии: он захватил власть, и первый стих не даёт ему титула царя. Именно Вашти служит ему для обеспечения преемственности, но не отдаёт ей должного: он велит позвать её, чтобы показать, что главное в ней — прежде всего красота, а остальное второстепенно. Это посягательство на личность женского начала. К её чести, она воспротивилась и даже выказала презрение к этому человеку, который прежде был лишь зрителем конюшен её отца.

Тогда начинают искать новую царицу: конкурс, открытый для всех народов, где каждая культура показывает свои достоинства. Сегодня это выражается в «мисс» той или иной страны — и всегда речь о женском начале, никогда о мужском. Почему? Потому что силу культуры составляет место, которое в ней занимает женское начало. Чем выше в ней поставлено женское, тем больше уважения внушает эта культура. Где презрение — там примитивное понимание общества.

Поэтому рабби Йеуда а-Леви предостерегает: не поддавайся соблазну той красоты, которую выставляют другие культуры, не посмотрев, что у неё внутри.

ВЫВОД РАВА

Цивилизацию судят по тому, чего она требует от женщин, а не по тому, что она в них выставляет напоказ.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Царь хотел, чтобы смотрели на его жену; она предпочла потерять всё. Чем мы измеряем у себя истинное место женщин в доме — тем, что о них говорим, или тем, чего от них требуем? И что изменилось бы за этим столом, если бы мы измерили это честно?

Свиток не носит имени Мордехая

ВВЕДЕНИЕ

Именно Мордехай раскрывает заговор, поднимает народ, противостоит Аману и становится вторым после царя. Он герой от начала до конца. И всё же книга носит имя женщины, которую забрали из её дома.

ВОПРОС

Почему свиток не называется Мегилат Мордехай — и что сделала Эстер такого, чего Мордехай сделать не мог?

ОТВЕТ

«Мордехай а-Йеуди мишне ла-Мелех Ахашверош, гадоль ла-Йеудим, дореш тов ле-амо» — Мегила завершается Мордехаем, а об Эстер больше не слышно.

Мордехай поднял тревогу, но спасла народ женщина: Эстер, пожертвовавшая своей жизнью, оставшись с Ахашверошем. И о ней больше не слышно. Книга завершается Мордехаем, ставшим заместителем царя, — а мы остаёмся подданными Ахашвероша.

Завершение всякого совершенного цикла замыкается Малхут, царственностью, которая принадлежит женскому началу: именно женское начало передаёт эстафету между звеньями цепи. Уже путь Авраама начинается словами «всё, что скажет тебе Сара, слушай её»; освобождение из Египта начинается с сопротивления повитух, и Мирьям по-своему тоже участница сопротивления.

Эстер осталась во дворце как заложница: еврейская личность в заложниках у народов. Потому что именно она может собрать все элементы других культур, отфильтровать их и вернуть к их источнику, как это делается в жертвоприношении. Вот почему Эстер ещё не завершила свою работу: она вернётся в конце времён, чтобы довершить начатое.

ВЫВОД РАВА

Книга носит её имя, потому что её работа ещё не окончена.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В каждой семье есть тот, кто говорит, и та, кто держит. Кто у нас заплатил своей повседневной жизнью за то, в чём заслугу получил другой? И что нужно сказать сегодня вслух, чтобы об этом больше не молчали?

Единственная книга, где не появляется имя Б-га

ВВЕДЕНИЕ

Мегилу читают, стараясь не пропустить ни одного слова. И во всех этих словах ни разу нет имени Б-га. Его нет от начала до конца повествования — такого не бывает ни в одной другой книге, кроме Шир а-Ширим.

ВОПРОС

Где прячется имя, которое не написано, — и почему праздник, завершающий цикл, — именно тот, где Б-г не показывается?

ОТВЕТ

«Ве-анохи астер астир эт панай ба-йом а-ху» — «а Я сокрою лик Мой в тот день»: отсюда и происходит имя Эстер.

Бывают затмения Б-га. Наши судьбы не всегда устремлены к одному; бывает, что мы не идём пред Ним, а поворачиваемся к Нему спиной, и в этом затмении мы живём изгнанием из самих себя. Провидение надевает маску, его не видно. Но это не значит, что его нет: в Мегиле оно присутствует постоянно.

Ведь всякий раз, когда мы читаем «а-Мелех», «царь», без уточнения, текст указывает на Владыку мира. Мы не видим Его, потому что у нас нет ключей к такому видению. То, что мы видим, — не подлинная реальность: у нас есть черно-белый негатив, который нужно проявить иначе, чтобы получить настоящее изображение.

Вот почему нужно услышать каждое слово. Когда вы читаете письмо, адресованное лично вам, от которого зависят ваша радость и ваше будущее, и в нём не хватает слова, — вы понимаете, если оно от любимого человека.

ВЫВОД РАВА

Написано не Его отсутствие, а Его сокрытый лик.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы называем случаем то, к чему у нас нет ключа, и оставленностью — то, чего не понимаем. Пусть каждый расскажет о событии своего года, которое сначала воспринял как беду. Читает ли он его сегодня так же?

Аман записан в Торе

ВВЕДЕНИЕ

Наши мудрецы задают один и тот же вопрос о двух героях повествования: где Аман записан в Торе? И где записан Мордехай? Оба ответа умещаются в двух словах, и они перекликаются.

ВОПРОС

Какие слова Торы уже несут в себе имена Амана и Мордехая — и почему Аман в конце концов повешен на дереве?

ОТВЕТ

Аман: «А-мин а-эц ашер цивитиха ле-вилти ахоль мимену». **Мордехай:** «мор дор», чистая мирра, компонент кторет.

Аман — это «а-мин» из стиха: не от того ли дерева, от которого Я запретил тебе есть? Это древо познания — стремление человека утвердиться своим знанием, будто он может всего достичь, всё понять, всё подчинить власти разума. И именно на дереве повешен Аман — он и десять его сыновей.

Мордехай же происходит от мор дор — благоухание, а дор означает свободу: благоухание свободы. Это человек, способный противостоять любым обстоятельствам и утверждать свои убеждения перед лицом гнетущего мира, обрекающего его на смерть. Это и мирра, компонент воскурения: человек, чьё сияние в народе изгнания таково, что он один может спасти положение.

И стоит нам задействовать в себе это благоухание — этот целем Элоким, Б-жественное дыхание, которое есть в каждом, — и мы можем одолеть Амана, то есть то, что ведёт нас к саморазрушению и заставляет сеять вокруг ненависть, раздор и отвержение.

ВЫВОД РАВА

Одно — плод, который захотели взять; другое — благоухание, которое можно лишь распространять.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Аман — та часть нас, что хочет одержать верх во всём; Мордехай — та, что довольствуется тем, что распространяет благоухание. Что взяло верх в наших спорах за этим столом в этом году: потребность быть правым или желание оставить после себя что-то доброе?

Шауль пожалел царя Агага

ВВЕДЕНИЕ

Мегила заботливо приводит родословную Мордехая: сын Яира, сына Шими, сына Киша. Киш — отец Шауля. Но имя Шауля не произносится.

ВОПРОС

Почему имя царя Шауля обойдено молчанием в родословной Мордехая — именно тогда, когда противостоят Аману-агагиту?

ОТВЕТ

Мордехай, «бен Яир бен Шими бен Киш»; и Аман «а-Агаги», потомок Агага, царя Амалека.

Шауль проявил порыв милосердия к Агагу, царю Амалека. И Аман-агагит происходит оттуда. Когда упорно питаешь милосердие к врагу, это милосердие в конце концов оборачивается против нас, и нас настигает мощное возвращение того антисемитизма, который мы оставили в скрытом состоянии, — потому что сочли, что не следует приговаривать этого царя к смерти и что нужно ещё дать ему шанс выжить.

Мордехай же представлен сначала как Йеуди, от Йеуды, а затем как человек из колена Биньямина. Наши мудрецы говорят, что Святыице стояло на границе двух колен и что отец его был из Йеуды, а мать — из Биньямина. Царство Израиля утвердилось стремлением к светскости, вплоть до того, что поставило два центра идолопоклонства, и было разрушено первым; царство Йеуды осталось верным учению вокруг Мишкана. Именно соединение обоих составляет силу этого человека.

Но прежде всего Мордехай — тот, кто сохранил живыми свои корни в том, как он себя определял: он не разорвал связи со своими предками.

ВЫВОД РАВА

Неуместная жалость не устраняет врага: она назначает ему встречу несколько веков спустя.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть снисходительность, за которую заплатят наши дети: что-то, чего мы не сказали, поведение, которое пропустили, чтобы не поднимать шума. Что из этого в нашей семье тянется слишком долго? И кто возьмётся это исправить?

«Если ты промолчишь, спасение придёт из другого места»

ВВЕДЕНИЕ

Эстер колеблется: к царю не являются без приглашения. Мордехай не успокаивает её и не умоляет. Он отвечает, что спасение придёт в любом случае, но из другого места.

ВОПРОС

Если народ будет спасён в любом случае, зачем Эстер рисковать жизнью — и что значит «из другого места»?

ОТВЕТ

«Ревах ве-ацала яамод ла-Йеудим ми-маком ахер»; и ответ Эстер: «Ка-ашер авадеги авадеги».

Мордехай говорит ей: осторожно, если ты не явишься сама, если сама не сделаешь эту работу, знай, что спасение еврейского народа придёт из другого места. Что это значит? Что оно придёт от народов, с другой стороны. А как это происходит с другой стороны? Через Шоа: угрозу, которая отсекает большую часть народа, оставляя в живых лишь немногих.

Именно тогда Эстер преодолевает свои сомнения, колебания и страхи и говорит: раз нужно пожертвовать собой ради этого народа — ка-ашер авадеги авадеги, как это сделал Моше. Я исчезну в этом мире, я пожертвую своей долей в грядущем мире, чтобы спасти еврейский народ.

Ни одно событие в истории не может произойти без месирут нефеш — без акта полного самоотречения, самоотдачи. Без Моше не было бы исхода из Египта; без Эстер не было бы избавления от заклятого антисемитизма Амана.

ВЫВОД РАВА

Спасение придёт; вопрос лишь в том, какой ценой и чьей рукой.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто говорим: кто-нибудь другой этим займётся. Это правда — и именно в этом проблема. Какое дело каждый здесь считает своим долгом — и откладывает, рассчитывая на другого? Что будет, если никто не встанет?

Мы всё ещё слуги Ахашвероша

ВВЕДЕНИЕ

В Песах мы вышли из Египта и стали свободными. В Пурим народ спасён, Мордехай становится вторым после царя — а мы остаёмся подданными Ахашвероша. И всё же наши мудрецы говорят: если бы исчезли все праздники, Пурим не исчез бы.

ВОПРОС

Как праздник, оставляющий нас слугами императора, может стоять выше праздника нашего освобождения?

ОТВЕТ

«Авдей Ахашверош анахну»; и правило Пурима: «ад де-ло яда» — пока не перестанешь различать между «проклят Аман» и «благословен Мордехай».

Есть нечто, чего мы достигли в Пурим и чего не обрели в Песах. В Песах мы вышли из чужих культов и обрели свободу. В Пурим мы прошли ступень познания и находимся по ту сторону познания. Там Б-жественное присутствие пребывает и в добре, и во зле, и в нечистом, и в чистом. А значит, и сам Аман — актёр, выведенный на сцену Тем, кто управляет всей этой пьесой, — и великие тираны этого мира тоже актёры.

Как мы празднуем этот выход за пределы познания? Опьянением. Мы оставляем разум в стороне, больше не проводим мысленных разделений, больше не препарируем. Потому-то, провозглашая единство Б-га, мы закрываем лицо рукой и закрываем глаза: это единство мы не способны понять, оно по ту сторону познания.

А если в день Пурима мы переодеваемся, то потому, что это наши маски на протяжении всего года, наши маски на протяжении всей жизни.

ВЫВОД РАВА

Один день в году от нас требуется перестать делить мир на хороших и плохих.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Весь год мы разделяем: порядочные люди и остальные, наш лагерь и противоположный. Кого мы, сидящие за этим столом, раз и навсегда записали не на ту сторону? И что увидели бы мы в нём, если бы сегодня вечером уже не умели различать?

Двое с рынка, что смешили людей

ВВЕДЕНИЕ

Пророк Элияу идёт с одним мудрецом по многолюдному рынку. Тот спрашивает, у кого в этой толпе есть доля в грядущем мире. Ответ: ни у кого. Затем Элияу передумывает и показывает ему двоих.

ВОПРОС

Двое уличных весельчаков посреди рынка стоят больше всех остальных. Что они сделали такого, чего не сделали серьёзные люди?

ОТВЕТ

Пророк Элияу на рынке; и первый ребёнок Израиля, Ицхак, «тот, кто смеётся»; «Аз имале сехок пину».

Не было никого, а потом Элияу показывает ему двух людей, которые развлекают публику посреди рынка и дают надежду, радость жизни людям удручённым, раздавленным повседневными заботами. Вот они, говорит он, — бней олам а-ба: не просто у них есть в нём доля — об этом и для других не спорят, — но они уже живут в этом грядущем мире, готовят его здесь своим стремлением подняться над превратностями жизни.

Первый еврейский ребёнок — Ицхак, «тот, кто смеётся». Сара, которой возвещают о ребёнке в девяносто лет, смеётся: потому что этот смех — по ту сторону реальности, в которой она находится и где ей уже нечего ждать. Радость находится по ту сторону даат, по ту сторону древа познания: когда меня поражает нечто, бросающее вызов всему, чего я рационально ожидал, я счастлив.

Наши мудрецы отличались учением в радости: устав, они начинали смеяться, рассказывать смешные истории — потому что это открывало им иные горизонты и выводило их за пределы собственных толкований. Но это смех созидающий, никогда не смех презрения, издёвки или насмешки.

ВЫВОД РАВА

Рассмешить удручённого человека — значит вернуть ему горизонт, который не вернул бы никакой довод.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть те, кто прав, и те, кто делает добро; рынок запомнил только вторых. Кто в нашем окружении поддерживает других одной своей весёлостью — и говорили ли мы ему об этом? И каким смехом мы смеёмся за этим столом: тем, что открывает, или тем, что ранит?